

Е.А. Подшивалова

ЛИЦО ПИСАТЕЛЯ И ЛИКИ ВРЕМЕНИ:

«НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ» М. ГОРЬКОГО И «ОКАЯННЫЕ ДНИ» И. БУНИНА

Понятие *творческой индивидуальности писателя* можно рассматривать как коррелят эстетической категории *автор*. Отечественная философско-религиозная антропология (В. Соловьев, П. Флоренский, Вяч. Иванов, С. Франк, Н. Бердяев, Н. Лосский, Л. Карсавин, П. Вышеславский) и филология (М. Бахтин, В. Виноградов, Л. Гинзбург, Б. Корман) к категории автор (творец) и авторство обратились еще в начале XX века. В трудах Б.О. Кормана сформулировано ставшее теперь хрестоматийным представление об авторе как о некоем взгляде на действи-

тельность, выражением которого является все произведение. Таким образом, автор — это системообразующая по отношению к процессу и результату художественного творчества категория. И поскольку на уроках литературы в школе ставится задача научить юных читателей понимать специфику художественного мира писателя, то исследование «творческой индивидуальности» необходимо строить как системное. Творческая индивидуальность проявляется в элементах, образующих эстетическую систему произведения или систему творчества писателя. Принципы взаимодействия этих элементов (структура системы) позволяют судить о специфике художе-

¹³ Выказано А.Г. Горнфельдом в телефонном разговоре с Блоком (Запись телефонного разговора 24 февраля 1918 года // Блок А. Записные книжки. М., 2000. С. 136).

Елена Алексеевна Подшивалова — доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета.

¹⁴ Манделъштам О. А. Блок // Манделъштам О. Собр. соч.
¹⁵ Запись от 25 января и 28 февраля 1918 г. // Записные книжки. С. 132, 140.
¹⁶ Запись от 28 июня 1916 года // Там же. С. 115.

ственного мышления писателя, то есть о характере проявления его творческой индивидуальности.

В старших классах, когда начинается изучение историко-литературного процесса и учащиеся получают возможность проследить путь отечественного литературного развития, особенно важно научить их воспринимать произведение искусства как эстетическое выражение личности, научить видеть проявление творческой индивидуальности писателя за строем текста. В одиннадцатом классе богатным материалом для решения этой задачи может стать публицистика революционных лет. Обращение к ней, с одной стороны, позволяет развить гуманистическое зрение старших школьников, заставляет их задуматься над такими проблемами, как человек перед лицом истории, власть и нравственность, место писателя в эпоху исторической катастрофы. Поэтому очень важно начать изучение данной темы с того, чтобы зафиксировать внимание учащихся на немаловажном факте: к публицистике в революционную эпоху обратились крупнейшие писатели, обладавшие незаурядным художественным дарованием — И. Бунин, М. Горький, З. Гиппиус, В.Г. Короленко. Этот факт свидетельствует о том, что жанр публицистики сам по себе обеспечивал им возможность выразить свое личностное противостояние миру, через данный жанр в драматический период русской истории можно было в большей степени, чем через собственно-художественное творчество, проявить личностный потенциал. С другой стороны, на этих уроках школьники получают возможность совершенствовать свое эстетическое зрение. Если обратиться к содержанию «Окаянных дней» И. Бунина и «Несвоевременных мыслей» М. Горького, «Петербургских дневников» З. Гиппиус, писем В.Г. Короленко к А.В. Луначарскому, то эти произведения покажутся дополняющими друг друга. Во всех говорится о разрушительных для России последствиях Октябрьского переворота, о страданиях народа, о поругании человека, о преступной политике большевиков. Тематически тексты публицистические. Они фактографичны и злободневны. Но если задаться вопросом о характере организации их художественной структуры, то обнаружится различие творческих индивидуальностей их создателей. И это различие проявится во всем — в способах организации слова, в характере конфликта и сюжетостроения. Поэтому уроки по публицистике революционных лет могут стать для школьников опытом литературоведческого прочтения текста. И начать его представляется необходимым с того, чтобы зафиксировать внимание учащихся на жанровых модификациях изучаемых текстов. Бунин и Гиппиус создают

свои произведения в виде дневников, т.е. личного документа (хотя Гиппиус и оговаривает, что ее дневник носит общественный характер), Горький и Короленко — в виде очерков и статей, предназначенных для газеты (т.е. публичного чтения), в виде писем, адресованных не частному человеку, а члену правительства, представителю власти. Различие жанровых модификаций ведет и к различию слова, которым организованы тексты. А так как они типологически группируются, то в дальнейшем сосредоточим свое внимание не на всех четырех, а на двух, представляющих тип лирического, дневникового слова («Окаянные дни» И. Бунина) и тип публицистического, просветительского слова («Несвоевременные мысли» М. Горького).

Методика системного анализа предлагает в исследовании текста отправляться прежде всего от формы повествования, т.е. от субъектной организации. Кому принадлежит текст? Ответ на этот вопрос сможет многое прояснить как в позиции автора, так и в характере взаимодействия элементов исследуемой эстетической структуры.

Текст «Окаянных дней» односубъектен, организован лирическим субъектом «я». Лирическим его необходимо назвать, потому что слову этого субъекта свойственна открытая оценочность, характерная для лирики как литературного рода. Субъект у Бунина не столько повествует и изображает, как это обычно бывает в прозе, сколько оценивает: «...уезжать необходимо, не могу переносить этой жизни физически»¹. Субъект почти никогда не употребляет местоимение «я», но за каждым его словом ощущается единый строй чувств. Содержанием дневников становится пафос отрицания происходящего. По этому эмоциональному тону мы и узнаем «я». Даже тогда, когда в тексте проявляется повествовательность, он лиричен по своей природе, за повествовательной установкой всегда ощутим основной эмоциональный тон: «Опять несет мокрым снегом. Гимназистки идут облепленные им — красота и радость. Особенно была хороша одна — прелестные синие глаза из-за поднятой к лицу меховой муфты... Что ждет эту молодость?» (С. 73) Если в тексте дневников Бунина употребляется местоимение «мы», то оно адекватно «я». «Мы» — это всегда «я» и родные люди, семья. За «мы» — представление о семье как о едином целом, с чем «я» духовно и телесно однороден: «До сих пор не понимаю, как решились мы просидеть все лето 17 в деревне и как, почему уцелели наши головы» (С. 71).

Текст «Несвоевременных мыслей» многосубъектен (принадлежит и «я», и «мы»), при-

¹ Бунин И. Окаянные дни. М., 1990. С. 85. Далее текст цитируется по этому изданию. Номера страниц указаны в скобках.

чем это «мы» неоднородно, всякий раз количественно и качественно различно). «Мы» может означать «я» и русские люди, «я» и интеллигенция, «я» и революционеры. В первом случае «мы» мыслится в общероссийских масштабах, как общенародная жертва социального и государственного устройства монархической России: «Живя среди отравляющих душу беззаконий старого режима, среди анархии, рожденной им, видя, как безграничны пределы власти авантюристов, которые правили нами, мы — естественно и неизбежно — заразились всеми пагубными свойствами, всеми навыками и приемами людей, презиравших нас, издевавшихся над нами»². Во втором случае «мы» мыслится социально и культурно автономным от других слоев народонаселения России: «Не нужно забывать, что «мы» живем в дебрях многомиллионной массы обывателя» (С. 78). В третьем случае «мы» мыслится как избранная группа людей, призванных решать задачи жизненного устройства всего остального народонаселения страны: «Мы собираемся и мы обязаны строить новую жизнь на началах, о которых издавна мечтали. Мы понимаем эти начала разумом, они знакомы нам в теории, но — этих начал нет в нашем инстинкте, и нам страшно будет ввести их в практику жизни, в древний русский быт» (С. 79). Эти три субъекта абсолютно не отделены друг от друга. Через это «мы» проявляется в тексте социальная, психологическая и идейная самоидентификация авторского «я». Местоимение первого лица единственного числа («я») автор употребляет в тексте не часто и только в тех случаях, когда необходимо обнаружить общественную позицию. «Я» расценивает те или иные политические события не с классовой, а с ментальной или гуманистической точки зрения: «...главнейшим возбудителем драмы (4 июля — Е.П.) я считаю не «ленинцев», не немцев, не провокаторов и контрреволюционеров, а — более злого, более сильного врага — тяжкую российскую глупость» (С. 93).

Поставим далее вопрос о том, как субъектная организация текста влияет на характер конфликта? В «Окаянных днях» изображается один сквозной для дневников конфликт — «я» и объятая разрушительной революцией мира. В «Несвоевременных мыслях» изображается несколько различных конфликтов. В том случае, когда текст написан от «я», воспроизводится, как и в дневниках И. Бунина конфликт «я» и революционного мира. В том же случае, когда текст принадлежит «мы», характер конфликта всякий раз меняется в зависимости от смыслового наполнения этого «мы». Если «мы» мыслится как «я» и

народ, то речь идет о конфликте «мы» с самодержавной властью. Если «мы» мыслится как «я» и интеллигенция, то описывается конфликт «мы» и крестьянства, «мы» и обывателя. Если под «мы» понимается «я» и революционеры, то такое «мы» оказывается в состоянии противостояния то самодержавной власти, то крестьянству и массам обывателя, то творческой интеллигенции. Отсюда, например, появляются в тексте такие умозрительные рассуждения, как размышление о двух типах революционеров: «Наблюдая работу революционеров наших дней, ясно различаешь два типа: один — так сказать, вечный революционер, другой — революционер на время, на сей день» (С. 110). Последующая характеристика этих двух типов выглядит как самооправдание перед творческой интеллигенцией, перед представителями гуманистической идеи за свою идейную связь с революцией: «Первый, воплощая в себе революционное Прометеево начало, является духовным наследником всей массы идей,двигающих человечество к совершенству (...) Революционер на время (...) прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли, даже за то, что он сидел в тюрьме, был в ссылке, влачил тягостное существование эмигранта. Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицею обидевшим его» (С. 112). Из цитаты следует, что «я» объединяет себя не с революционерами «наших дней», а с «вечными» революционерами.

Далее поставим вопрос о том, как тип конфликта, изображенного в произведениях, проявляет позиции их авторов? Не трудно убедиться, что у И. Бунина автор отчуждает от себя революционную действительность. У М. Горького революция рассматривается как «своя-чужая».

Этот вывод можно подтвердить наблюдениями над способами описания конфликта или исследованием характера сюжетосложения в каждом из изучаемых произведений.

В «Окаянных днях» развитие сюжета связано с перемещением «я» в пространстве. Основной текст произведения состоит из двух частей: «Москва, 1918 г.» и «Одесса. 1919 г.». Ему предшествует «Дневник 1917-18 гг.», где описано, как революция застает «я» в русской провинции. Таким образом, «я» под влиянием разрушительных событий движется из поместья (родной провинции) в Москву (исконную столицу России), а затем на окраину русского пространства — в Одессу и далее — в эмиграцию.

Зададимся вопросом о том, как меняется семантика пространства. Сначала оно родное, при этом «я» и мир существуют автономно, не подавляя друг друга: «Лежал в гамаке, качался — белая луна на пустом синем небе качалась, как

² Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 77. Далее текст цитируется по этому изданию. Номера страниц указаны в скобках.

маятник» (С. 33). Автор подчеркивает самоценность природы и человека. Природа воспринимается «я» в полноте ее жизни: «Люблю август — роскошь всего, обилие, главное — огороды, зелень, картошка, высокие конопли, подсолнухи. На мужицких гумнах молотба, новая солома возле тока, красный платок на бабе...» (С. 29). «Я» наблюдает за состояниями природы, как за состояниями живого существа. Эти наблюдения наполняют его эмоциями, «события» жизни природы становятся событиями его душевной жизни: «Измумительны были два-три клена и особенно одна осинка в Скородном позавчера: лес весь еще зеленый — и вдруг одно дерево сплошь все в листе прозрачной, багряно-розовой с фиолетовым тоном крови» (С. 37). Внутренняя жизнь «я», как и жизнь природы, многообразна, интенсивна, насыщена: «Перечитывал Мопассана. Много воспринимаю по-новому, сверху вниз. Прочитал рассказов пять — все сущие пустяки, не оставляют никакого впечатления, ловко и даже неприятно щеголевато-литературно сделанные» (С. 28); «Перечитываю «Федона». Этот логический блеск оставляет холодным. Как много сказал Сократ того, что в индийской, иудейской философии» (С. 33); «...чувство горькой вины, что не использовал лета лучше (...) сколько еще осталось нам этих лет вместе? (...) А дальше? Разойдемся по могилам! Так больно, так обострены все чувства, так остры все мысли и воспоминания!.. А как тупы мы обычно! Как спокойны! И неужели нужна эта боль, чтобы мы ценили жизнь?» (С. 32).

В следующей части дневников «Москва, 1918 г.» уже иное соотношение между «я» и окружающим миром. Московское пространство, в отличие от природного, в восприятии героя начинает раздваиваться: «Вон из Москвы!» А жалко. Днем она теперь удивительно мерзка. Погода мокрая, все мокро, грязно, на тротуарах и на мостовых ямы, ухабистый лед, про толпу и говорить нечего (...) Но вот тихий переулочек, совсем темный, идешь — и вдруг видишь открытые ворота, за ними, в глубине двора, прекрасный силуэт старинного дома, мягко темнеющий на ночном небе, которое тут совсем другое, чем над улицей...» (С. 83). Как видно из цитаты, в Москве для «я» есть «удивительно мерзкое», чужеродное пространство улицы и уютное родное пространство переулочка и дворика, над которыми небо «совсем другое, чем над улицей» (С. 83). Чужеродность — не изначальное свойство пространства. Это качество внутри пространства родины формирует новый субъект истории — революционный народ: «...как только город становится «красным», тотчас резко меняется толпа, наполняющая улицы. Совершается некий подбор лиц, улица преобразается» (С. 107). В восприя-

тии «я» происходит трансформация пространства — из родного оно превращается в чужеродное: «Город чувствует себя завоеванным как будто каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги» (С. 107). Ощущение чужеродности окружающего мира приводит к дистанцированности от него: «Грузинский сказал: — Я теперь всеми силами избегаю выходить без особой нужды на улицу. И совсем не из страха, что кто-нибудь даст по шее, а из страха видеть теперешние уличные лица. Понимаю его как нельзя более, испытываю то же самое, только, думаю, еще острее» (С. 86).

Одесса, в отличие от Москвы, воспринимается «я» как однозначно чужестранный город. Последняя часть дневников «Одесса. 1919 г.» начинается с мысли о том, что Россия исчезла: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили» (С. 90). Пространство, на котором располагалась родина, воспринимается теперь как чертов остров: «...живешь в полной отрезанности от мира, как на каком-то Чертовом острове» (С. 98).

В «Окаянных днях», как видим, «я» остается неизменным, образ пространства меняется, место, на котором располагалась родина, превращается в чужеземное, метафизически чуждое («Чертов остров»).

Следующий вопрос, позволяющий выявить принципы описания конфликта в «Окаянных днях», должен быть связан с выяснением того, как взаимодействуют «я» и меняющееся облик пространство. Наблюдения показывают, что отчуждающийся от «я» мир агрессивен, он разрушительно влияет на «я», стремится лишить его независимости и самости. Агрессивность исходит от «нынешних уличных лиц». «Я» воспринимает революционный народ не как социально или национально, но прежде всего как культурно чуждый. У народа и «я» различный цивилизационный уровень: «Лица хамов, сразу заполонивших Москву, потрясающе скотские и мерзкие»; «Голоса утробные, первобытные. Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все, как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские» (С. 81). «Я» обостренно ощущает угрозу культуре, исходящую от нового субъекта истории. «Я» дистанцирует себя от тех деятелей современной культуры, которые, по его мнению, испытали трансформирующее качество человечности воздействие революционного народа. Его оценки звучат однозначно отрицательно: «Блок слышит Россию и революцию как ветер...» О, словоблуды! Реки крови, море слез, а им все нипочем» (С. 93); «Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероя-

тен. Говорил: «За 100 тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки...» (С. 121). По мере того, как пространство родины все более и более меняет свой лик, «я» испытывает усиление исходящей от него угрозы не только своему физическому существованию, но и духовному состоянию. «Я» замечает, что его внутренний мир начинает зависеть от внешнего: «...совсем нет *чувства весны*. Да и на что весна *теперь?*» (курсив автора – *Е.П.*)» (С. 91); «Проснувшись как-то особенно ясно, трезво и с ужасом понял, что я просто погибаю от этой жизни и физически, и душевно» (С. 162). Агрессивность нового мира выражается для «я» и в отъятии родного языка: «Какое обилие новых и высокопарных слов. Во всем игра, балаган, «высокий стиль, напыщенная ложь» (С. 70). Ощущение нарастающей агрессивности становящегося чужеродным пространства России заставляет «я» на уровне личностной позиции противостояния отстаивать общечеловеческие, христианско-гуманистические ценности. Он декларирует свою моральную позицию, противоположную античеловечности нового мира и уязвимой, с точки зрения «я», нравственной позиции современников: «Подумать только: надо еще *объяснять* то тому, то другому, почему именно не пойду я служить в какой-нибудь Пролеткульт! Надо еще *доказывать*, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и просвещать насчет «последних достижений в инструментовке стиха» какую-нибудь хряпу с потными руками!» (курсив автора – *Е.П.*)» (С. 117). Позиция противостояния определяется тем нравственным императивом, который позволяет «я» не поддаться искушению подмен, разделить «ту Россию, в которой мы жили когда-то» и «Чертвов остров». И в сфере быта, и в сфере духа «я» остается в той России, которой уже нет: «Сейчас (8 часов вечера, а по «советскому» уже половина одиннадцатого)» (С. 104); «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевитского правописания. Уже хотя бы по одному тому, что человеческая рука не писала ничего подобного, что пишется теперь по этому правописанию» (С. 117).

Отсюда и логика сюжетного движения в «Окаянных днях». Перемещения «я» в пространстве имеют направленность от родного к чужеродному. Поэтому развязка сюжета — решение уехать из Одессы — может интерпретироваться не как бегство с родины, а как единственно возможный для «я» выход. Он уезжает не из родной страны, а из ставшего чужим и агрессивно-опасным для человечности, для жизни личности пространства. Поэтому в Одессе 1919 г. он не прощается с родиной. Прощание совершилось в

Петербурге, в феврале 1917 г., когда пространство России еще было родным и единым: «В мире была тогда Пасха, весна, удивительная весна: даже в Петербурге стояли такие прекрасные дни, каких не запомнишь. А надо всеми моими тогдашними чувствами преобладала безмерная печаль (...) вся безграничная весенняя Россия развернулась перед моим умственным взглядом. Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным. Но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование...» (С. 114). Так характер сюжетного движения в произведении оформляет авторскую позицию отвержения революции.

Сюжет «Несвоевременных мыслей» основан на описании интеллектуальных открытий и мыслительных ходов, которые делает субъект сознания в связи с разворачивающимися драматическими событиями войны и революции. Отсюда в очерках много размышлений над характером русского народа — субъекта современной истории, над механизмами исторической жизни, над политикой большевиков. Эти размышления построены как итог наблюдений над жизненными и литературными фактами: «Было очень удобно верить в исключительные качества души наших Каратаевых — не просто мужики, а всечеловеки. Гл. Успенский «Властью земли» нанес этой вере серьезный удар. Чехов показал «Мужиков» в освещении еще более мрачном. Бунин мужественно стусил темные краски. Писатели-крестьяне Ив. Вольный, Семен Подъячев изобразили мужика мрачнее Чехова и Бунина. Теперь, когда наш народ свободно развернул перед миром все богатство своей психики, воспитанной веками дикой тьмы, отвратительного рабства, мы начинаем кричать:

— Не верим в народ! (...)

Наши социальных дел мастера затеяли построение храма новой жизни, имея, может быть, довольно точное представление о материальных условиях бытия народа, но совершенно не обладающая знанием духовной среды, духовных свойств материала» (С. 134-135).

Факты современной истории опровергают умозрительные идеи и политические иллюзии «я», направляют его мысль к проблеме «крушения гуманизма» в революционную эпоху. Отсюда в тексте многочисленные примеры беззаконий, творимых большевистской властью, революционным народом и обывательской массой. Но поскольку «я» мыслит себя не только самоценным субъектом, но еще и частью разных социальных коллективов, он становится выразителем и личностно защищаемой гуманистической идеи («Откровенно говоря — я хотел бы сказать: — Будьте человечнее в эти дни всеобщего озверения», С. 169), и разнородных идей, спро-

дуцированных различными социальными группами. Это ведет к тому, что, в отличие от «Окаянных дней», конфликт «я» и мира в «Несвоевременных мыслях» утрачивает определенность, оказывается размытым. В результате субъект сознания находит интеллектуальные лазейки для оправдания чужой правды или своей двойственной по отношению к революционному миру позиции. Так, например, построено рассуждение о Ленине. С одной стороны Ленин мыслится как «вождь и русский барин», который «считает себя вправе проделать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу» (С. 151). С другой стороны, Ленин оценивается как «человек исключительной силы», как одна «из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии» (С. 151).

Позиция просветителя выражается в том, что субъект указывает большевикам на их политические и моральные просчеты, формулирует свою позитивную программу преобразования мира: «Я нахожу, что заткнуть кулаком рот «Речи» и других буржуазных газет только потому, что они враждебны демократии — это позор для демократии» (С. 152); «Если революция не способна тотчас же развить в стране напряженное культурное строительство, — тогда, с моей точки зрения, революция бесплодна, не имеет смысла, а мы народ — неспособный к жизни» (С. 92). Позиция просветителя позволяет ему одновременно отчуждать от себя революционный мир и мыслить себя частью этого мира.

Поскольку и в «Окаянных днях», и в «Несвоевременных мыслях» субъекты представляют себя читателю в качестве русских писателей, а не общественных деятелей, то и в том и другом текстах важное значение приобретает характер их речи. Последний также обнажает позицию автора по отношению к миру. Поэтому, определяя специфику творческой индивидуальности писателя, проявляющейся в каждом тексте, в конечном итоге зададимся вопросом о том, как эта индивидуальность выражается в речеведении, в характере используемого субъектом языка. Для Бунина язык — это еще одна область, позволяющая разграничить «я» и отчуждаемый мир. Слово здесь противостоит варварскому характеру мира своим личностным и культурным потенциалом. В «Несвоевременных мыслях» язык — форма выражения просветительской позиции субъекта речи, поэтому язык является здесь лишь подручным средством для оформления публицистических идей. В результате слово у Бунина

лично-страстное, а у Горького проповеднический пафос обуславливается не только личной эмоцией, но и публицистическим стилем, свойственным жанру газетных статей. В «Несвоевременных мыслях» используются стилистические приемы, характерные для данного жанра. Декларативность обуславливает наличие многочисленных призывов, воззваний, лозунгов: «Граждане! Неужели мы не найдем в себе сил освободиться от заразы, сбросить с себя грязь! (...) Побольше зрелости, побольше вдумчивости...» (С. 84). В языке субъекта явно выражена аналитическая установка. Это проявляется в демонстрации причинно-следственных связей между явлениями, в сопоставлениях: «Война оценила человека дешевле маленького куска свинца. Кого же упрекнем теперь за ежедневное зверское избивание людей?» (С. 94). В речи субъекта проявляются риторика, сатира: «Разве демократия чувствует себя неправой в своих деяниях и боится критики врагов? Разве кадеты настолько идейно сильны, что победить их можно только путем физического насилия?» (С. 152); «Если б международная война заключалась только в том, что Ленин вцепился в мелкобуржуазные волосы Милюкова, а Милюков трепал бы пышные кудри Ленина» (С. 100).

И, наконец, семантика названия произведений позволяет разграничить авторские позиции в «Окаянных днях» и «Несвоевременных мыслях». Первое произведение уже в названии заключает оценку переживаемого автором времени, а следовательно, и оценку окружающего мира. Если обратиться к «Словарю...» В. Даля, то «окаивать» означает «признать отверженным, достойным проклятия, отчуждения окриком», «окайный» — значит проклятый, погибший духовно, нечистый». Именно таким и рисуется революционный мир, с точки зрения авторского «я». Название «Несвоевременные мысли» тоже заключает в себе оценку. Но неопределенен субъект этой оценки, в характере построения фразы не уточняется, с чьей точки зрения мысли несвоевременны — с точки зрения того, кто их излагает, или того, кто воспринимает. Оценка в этом названии выражена как своя-чужая, что тоже соответствует общей позиции автора «Заметок о революции и культуре».

Так анализ художественного строя позволяет последовательно и целостно проанализировать выражение творческой индивидуальности писателя в публицистическом тексте.